

Вера
Крыжановская-Рочестер

РЕКЕНШТЕЙНЫ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская-Рочестер, В.

К85 Реченштейны / В. Крыжановская-Рочестер. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 474 с.

ISBN 978-5-521-06369-7

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер (1857–1924) – русская романистка, известная многочисленными женскими, историческими и оккультными произведениями.

Роман «Реченштейны» – незабываемая история, которая переносит читателя в старинный замок, над которым нависло страшное древнее проклятие, и погружает в атмосферу мистики и тайны, столь характерную английской готической прозе.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ГАБРИЭЛЬ	5
I. Воспитатель	7
II. Арно и его мачеха	27
III. Цирцея	45
IV. Скрытая борьба	77
V. Извинение	113
VI. Отчаянное покушение	153
VII. Сила зла	181
VIII. Гражданская смерть	237
ЧАСТЬ II. ЛИЛИЯ	243
I. Двенадцать лет спустя	245
II. Новое испытание	293
III. Сильвия	333
IV. Возвращение изгнанника	373
V. Beatl possidente	419

ЧАСТЬ I
ГАБРИЭЛЬ

I

Воспитатель

По одной из прекрасно содержимых дорог прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень давала себя чувствовать. Беспрерывно шел мелкий частый дождь, и все кругом тонуло в густом сероватом тумане.

Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты; но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжелые думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Плед, дорожный несессер и сундук на козлах показывали, что он едет издалека.

Путник был молодой человек лет двадцати восьми, высокий, худощавый, но крепко сложенный; его характерное лицо с правильными чертами возбуждало симпатию. Он снял шляпу и откинул голову на подушки кареты; золотисто-русые волосы, короткие, но густые, мягкими прядями обрамляющие его белый широкий лоб, резко выделялись на синем фоне атласа; усы и небольшая борода были того же цвета. Брови были темные, соединялись на лбу и оттеняли большие черные глаза, спокойные и строгие; в эту минуту они были отуманены мрачной грустью, которая сказывалась и в суровом выражении губ; но порой его мужественное лицо озарялось отблеском энергии и гордости, доходящей до упрямства.

Барон Готфрид Веренфельс был последний отпрыск благородной и древней фамилии, обедневшей мало-помалу вследствие начала войн и несчастий. Отец его пытался поправить состояние спекуляциями, которые сначала удались, но потом окончательно разорили его. Подавленный этим несчастьем, старый барон застрелился, оставив своему единственному сыну лишь долги да заботу о матери и о молодой жене, с которой он едва только вступил в брак.

Более года Готфрид отчаянно боролся, чтоб сохранить маленькое имение, обеспечивающее ему скромное существование, но неожиданное банкротство лишило его этого последнего ресурса; смерть жены не менее жестоко поразила его сердце, и нервная болезнь приковала его к постели на несколько месяцев. Тотчас по выздоровлении молодой человек стал обдумывать, как создать себе новое положение.

Он был разбит, но не уничтожен. С помощью одного из друзей Веренфельс поместил мать и свою маленькую Лилию, которой был тогда год, к одной старой родственнице, своей крестной матери, а сам решился ехать в Америку попытать счастья. Он готовился к отъезду в Новый свет, когда неожиданное предложение изменило его намерение.

Банкир Фридман, старинный друг его отца, не переставал оказывать доброе расположение молодому человеку; теперь он письменно просил его немедленно повидаться с ним по весьма важному делу.

Обменявшись поклоном с Готфридом, банкир сказал без всяких предисловий:

— Мой милый Веренфельс, я имею нечто предложить вам, и если вы согласитесь, то, по-моему, это будет выгодней, чем поездка в Америку. Я сейчас получил письмо от моего друга и клиента, графа Вилибальда Рекенштейна. Он просил меня рекомендовать ему человека умного, образованного, хорошего круга, а главное энергичного, который взял бы на себя воспитание его сына, мальчика с испорченным характером вследствие несчастных обстоятельств, ленивого и дерзкого до крайности. В течение полугода он вывел из терпения трех воспитателей.

— Вы считаете выгодной должностью быть козлом отпущения у такого чудовища? — спросил Готфрид с усмешкой.

— Погодите. Кроме этого чудовища, которому едва девять лет, в доме его отец — такой симпатичный и благородный человек, какого только можно себе представить; к тому же больной и одинокий. Он живет уединенно в своем Рекенштейнском замке. Практическая сторона дела — значительное вознаграждение, которое граф предлагает тому, кого я рекомендую; оно равняется жалованью большой государственной должности. Это сейчас вывело бы вас из затруднительного положения и дало бы вам возможность обеспечить вашей матери и вашему ребенку удобства жизни. Вы могли бы даже откладывать на будущее время; таким образом, вам было бы легко впоследствии попытаться счастья в Новом свете, когда вы исполните принятое вами обязательство и маленький Танкред — согласно желанию отца — поступит в военную школу. Со свойственной вам энергией, я полагаю, вы справитесь с маленьким чертенком.

Готфрид опустил голову. Рассудок говорил ему, что его старый друг прав.

— Вследствие каких обстоятельств этот несчастный ребенок так испорчен?

— Это вина его матери, — отвечал Фридман. — Графиня, говорят, отчаянная кокетка, занята нарядами, жаждет всеобщего поклонения и отравляет всех, кто попадает в ее сети. Была ли она виновна перед своим мужем или нет, но только он имел дуэль с одним слишком ревностным ее обожателем. Графиня уехала от мужа и увезла Танкреда, которому было тогда три года. С тех пор она живет за границей, где ведет веселую жизнь, сохраняя, впрочем, наружное приличие, так как возит с собой старую родственницу. Но сына своего она решительно развратила своим безграничным обожанием и поклонением его недостаткам. — Граф, серьезно раненный на дуэли, заперся с тех пор в своем замке и только в прошлом году узнал, какое воспитание получает его сын. Он потребовал возвращения ребенка, и мать отдала его с условием увеличения ее годового содержания. Остальное вам известно. Я забыл лишь сказать, что, так как правая рука графа осталась слабой, вам придется помогать ему в его переписке.

Готфрид согласился принять предлагаемую ему должность, и мы застаем его едущим на место своего нового назначения. Какое-то тайное опасение теснило его грудь, и его гордая душа возмущалась при мысли о подчиненном положении, которое ожидало его.

Глубоко вздохнув, он выпрямился, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучливые думы и, опустив